

Ю.Н. МЕСНИКОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ

Интертекстуальность занимает умы литературоведов, лингвистов, культурологов, философов не первое десятилетие уже как сформулированный Ю.Кристовой концепт, а существование свое ведет и вовсе с незапамятных времен. Понимание интертекстуальности как «общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» было в дальнейшем многократно расширено и дополнено [1, с. 9]. Так, Ю. Степанов делает важное дополнение о способности интертекста к индукции и абстракции в своей трактовке интертекста как «понятия прегнативного, «набухающего», вбирающего в себя признаки смежных понятий и способного концентрировать, кристаллизовать напрашивающиеся на обобщение признаки соседствующих сфер информационного мира» [2, с. 102]. Удачно найденная метафора как нельзя лучше рисует образ интертекста, создающего ощущение новизны и свежести мысли на фоне полустертого старого знания [1, с. 48].

Механизм восприятия интертекста, очевидно, движим, среди прочих, и психологическими рычагами. Вероятно, реципиенту приятно сознавать, что, апеллируя к его фоновым знаниям, автор сообщения уважает его осведомленность и рассчитывает на способность домысливать. В когнитивном плане происходит как бы синхронизация мыслительной деятельности автора и читателя: реципиент не просто потребляет информацию, но и «соучаствует» в генерировании смыслов. Как отмечает Н.А. Фатеева, автор музыкального термина ‘контрапункт’ в приложении к интертексту, «это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [3, с. 13].

Если, говоря о языке и речи, считать всю нашу языковую деятельность интертекстуальной по природе, пронизанной блоками-цитатами из предыдущего языкового опыта или из конгломерата нашей языковой памяти [2, с. 119], то не удивительно, что при межъязыковом переводе мы всегда имеем дело с переводом межкультурным. Это становится очевидным, например, при наблюдении – особенно в контрастивном плане – за лексическими дистрибуциями и логическими моделями, лежащими в их основе [4, с. 5]. Как готовые, так и вновь создаваемые

речевые отрезки отражают в своей семантике, синтактике и прагматике миропонимание носителя языка. В этих коммуникативных фрагментах, которыми мы оперируем в речи, зафиксирован результат работы когнитивного механизма национального языка.

Человек проживает свою жизнь в культурном контексте многообразных прецедентных феноменов – не только языковых, – которые хранятся в когнитивной базе в виде инвариантов восприятия и могут быть при необходимости вербализованы [5, с. 171]. Д. Гудков подразделяет прецедентные феномены на авто-, социумно-, национально-и универсально-прецедентные [4, с. 104]. Такая систематизация явлений прецедентности позволяет предсказать эффективность их актуализации в интертексте: так, автопрецедентная ситуация при воспроизведении сможет вызывать должные ассоциации только у весьма ограниченного круга людей, например, в кругу семьи. Естественно, что диапазон ассоциативного воздействия и потенциальной генерации новых смыслов тем больше, чем больший круг людей знаком с, тем или иным явлением. Таким образом, естественно ограниченным оказывается и ассоциативный потенциал социумно- и национально-прецедентных явлений.

Человеческая память хранит штампы, которые выявляют свой «рисунок» только при активном участии речетворца: это он решает, на какой фон нанести рисунок, чтобы достичь желаемого результата. При этом автору небезразлична целевая аудитория. Примером может служить первый попавшийся «бородатый» анекдот, юмористический эффект которого основан на разделенном знании и устойчивости ассоциаций.

Новые смыслы рождаются благодаря механизму установления связей между прецедентным феноменом новым контекстом его реализации. Поскольку прецедентный феномен входит в когнитивную базу в результате минимизации, вычленения весьма ограниченного набора признаков феномена [3, с. 130], то он легко фиксируется в памяти человека, обретая черты гештальта и обрастая устойчивыми ассоциативными связями. Разные культуры пользуются разными механизмами минимизации тех существенных черт, которые в результате формируют архетип. Результирующий оценочный компонент отнюдь не всегда совпадает в разных культурах. Именно поэтому не все народы готовы оценить любовь русских к Ивану-дураку или лентяю Емеле.

Явление интертекста работает благодаря способности человека узнавать прецедентную информацию, отбирать релевантные устойчивые ассоциации и генерировать новые смыслы. Говоря современным языком, интертекст интерактивен. Устойчивые ассоциации способны вызывать только нечто хорошо узнаваемое, закрепившееся в памяти. В ситуации интертекста ассоциации имеют особенность не просто реализовывать мета референцию,

а создавать новое знание или впечатление. Вне конкретной ситуации пучок ассоциаций остается лишь потенциалом прецедентного текста, нужные ассоциации вызываются к действию лишь по мере надобности. Психологически человек готов к потреблению «хорошо забытого старого» как нового. Интертекстуальные блоки запускают в сознании получателя механизм герменевтического толкования полученной информации, даже если реминисценции звучат как отголоски чего-то невнятно знакомого. Особенно это заметно на примере чувственных ассоциаций – узнаваемых ритмов, мелодических рисунков, синестетических восприятий. На этом приеме строятся столь популярные интерпретации во всех областях культуры, например, в музыке – музыкальные шутки, джазовые вариации классики; в живописи тоже таких примеров не счесть. Установление ассоциативных связей часто происходит на основе лишь смутных догадок относительно источника заимствования.

Для переводчика интертекст чаще всего становится почти непреодолимой проблемой. Не стоит, пожалуй, кривить душой и настаивать на принципе тотальной переводимости. В переводе вообще нет готовых решений, однако методы компенсации и замены позволяют частично найти утешение в этом искусстве потерь. В случае же с интертекстом аллюзивность становится масштабной и новые смыслы генерируются на уровне целого текста или отрезка текста. Главное препятствие заключается в том, что переводить с одного языка на другой приходится для чужой относительно оригинала культуры, а это значит, что национально-прецедентные интертексты становятся непроницаемыми для иноязычного реципиента.

Какие бы работы по переводу интертекстуальных фрагментов мы ни взяли, в них в лучшем случае рассматриваются удачные случаи перевода; большей же частью исследователи ограничиваются констатацией потерь при переводе, лишь подтверждая тщетность попыток переводчиков преодолеть культурные барьеры. Одной из целей исследования интертекста в аспекте перевода может стать выявление некоторых закономерностей в установлении культурных параллелей. Это позволит определиться с выбором стратегии перевода в зависимости от типа прототекста. Суть обсуждаемой здесь стратегии перевода интертекстуальных фрагментов заключается в попытке смоделировать процесс трансляции ассоциаций в инокультурный семиозис. Такого рода моделирование идет по пути вычленения опорных информационных узлов, как семантических, так и прагматических. Иными словами, это тот же процесс минимизации смыслов с целью обнаружить то типическое (прототипическое), что позволит отыскать аналог прецедентного феномена в переводящей культуре. Применение этой стратегии возможно только в тех случаях, когда

интертекстуальный фрагмент основан на универсально прецедентном феномене (теме, ситуации), обладающем одинаковым или схожим эмоционально-оценочным компонентом в переводной и переводящей культурах.

Если даже список и не бесспорен, он в полной мере отражает отчаянные попытки переводчика прорваться через лингвокультурные барьеры к иноязычному сознанию. Стратегия переводчика, в поисках которой здесь предпринята попытка смоделировать процесс поиска 'общего знаменателя' для прецедентного текста и его заместителя, явно входит в разряд креативных. Остается лишь пожалеть о том, что применение стратегии не гарантирует результата, но дает переводчику и читателю шанс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева. – М.: Прогресс, 2000. – 260 с.
2. Степанов, Ю.С. Интертекст и некоторые современные расширения / Ю.С. Степанов // Филология. – 2004. – № 1.9. – С. 100–126.
3. Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2007. – 282 с.
4. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
5. Горшков, А.И. Русская стилистика: Учебное пособие / А.И. Горшков. – М.: ООО «Астрель», 2001. – 236 с.